

Старинное зеркало

Я очень люблю приходить в дом моего прадедушки, Веснина Николая Васильевича. Сейчас там никто не живёт, всё осталось так же, как было много лет назад. Мне нравится рассматривать старые вещи, они будто бы помнят всё то, что происходило в этом доме. Моя любимая вещь-это старинное зеркало, которое стоит в углу комнаты. Говорят, что зеркала запоминают всё то, что в них отражается. Я могу часами смотреть в него, представляя себе другое время. А что если это зеркало, действительно, портал, например, в прошлое?

Однажды, придя в дом моего прадедушки, я села на стул и засмотрелась в это зеркало. В голове крутились воспоминания: рассказы мамы, прочитанная недавно повесть о войне, фразы учителя истории...Наверное, я и не заметила, как уснула. Вдруг меня отвлекли чьи-то голоса.

Обернувшись, я увидела мою прабабушку, которая что-то готовит у печки. Шумно потрескивают берёзовые поленья, по небольшому, но уютному дому разносится запах вкусной еды. Движения Лидушки, как ласково называл её супруг, быстры и ловки. Из самых простых продуктов она готовит вкуснейший обед. Рядышком с ней на стуле примостился прадедушка. В руках у него поизносившийся валенок, дратва да шило, которым он лихо управляет. Стежок за стежком сживляется толстая валяная стелька с валенком, надёжно прячет протёртое место. Нехитрая мужская работа в его руках ладится споро, ещё пара минут, и дело сделано. Уж сколько раз подшивал валенки и себе, и жене, и детишкам: наловчился. Любо-дорого посмотреть! Но сегодня он отчего-то угрю, даже рассеян немного. И аккуратно сделанная работа не радует. Явно, настроение, как сказал бы мой одноклассник, на нуле. Прабабушка, хлопоча то у стола, то у печки, негромко пересказывает мужу новости, а он будто бы совсем её и не слушает, весь в своих мыслях.

- Чего грустный такой сидишь? – не выдержала, наконец, Лидия Николаевна. Хотя её голос и прозвучал ровно, но в нём можно было легко прочувствовать тревогу. Она хорошо знала, что если Николай словно впадал в забытие, становясь мрачнее тучи и словно отгораживаясь от всех, то вывести его из такого состояния можно только вызвав на душевный разговор.

- Бедный, мой, бедный! Горемыка ты моя ненаглядная! Как же эта война проклятушая душу твою вымотала, сердце-то как надорвала... - едва уловимым шёпотком приговаривала, покачивая головой, чтобы муж не увидал. Не терпит он жалости к себе, не выносит бабьих причитаний. Зная об этом, молчит Лидушка, не голосит, как бывало раньше. Только вздыхает глубоко так и протяжно. - Авось, скоро отпустит.

Хоровод грустных мыслей и вздохов вдруг прервал басистый голос мужа.

- Ты забыла что ль, какое число сегодня? – спросил он строго.

- Что ты?! Не забыла, а просто вспоминать не люблю. Чего прошлое ворошить?! Всем трудно было... - она шумно вздохнула. – Хорошо хоть, что детушки наши и внуки лучше живут, да и про нас не забывают.

- Почитай уж 35 лет прошло, а мне каждую ночь снится, будто вчера всё было... - сказал прадедушка и аккуратно вытер ладонью набежавшие слёзы.

- Ты, Коля, не сердчай... Я вот обед схлопотала, борщ сварила, как ты любишь. Ватрушки вот-вот поспеют. Чай, внучата сегодня придут, воскресенье же. Убирай-ка свой валенок, да руки поди помой! Есть будем!

Последняя фраза прозвучала так безапелляционно, что прадед решил не спорить и, по-старчески крякнув, неспешно поднялся с табурета, потёр шершавыми большими ладонями колени, покачал головой.

- Эх, старость не радость! Что-то коленки стали поскрипывать...

Вдруг в сенцах что-то сгрохало, дверь распахнулась, и в избу забежали раскрасневшиеся с мороза Вова и Андрюшка.

- Ох, морозу-то принесли! Замёрзли, небось! – хлопотала вокруг них бабушка. – А ну, скидывайте свои валенки и рукавицы на печь, пускай сушатся. Наверное, все сугробы обрали, пока до нас бежали?!

Внучата хохочут, весело перемигиваются друг с другом, а сами носами водят, принимают:

- Бабуль, а чем это так вкусно пахнет? Ватрушки? А с брусничкой пирожки будут?

- Будут, будут вам, непоседы, и пирожки, и ватрушки, только сначала борщичку горяченького. Проголодались, поди?!

За большим круглым столом посреди комнаты места хватает всем. Сколько раз собиралось за ним дружное семейство! В считанные минуты, словно на скатерти-самобранке, появились посреди стола тарелки с наваристым борщом и сметанкой, выросли горками румяные пирожки, ватрушки с картошечкой, зашипел на печке закипающий чайник. Бабушка хлопочет вокруг: тому ложку надо дать, другому солонку. Вот и про хлебушек забыла, бежит к шкафчику, суетится. Но от этой суеты не тяжко, а радостно. Внучата пришли, и дом сразу будто ожил, помолодел...

Вот и прадед немного пооттаял, отпустили его мысли чёрные. Видит это прабабушка и в душе радуется, Бога благодарит:

- Вот сподобил господь, послал Вовушку с Андрейкой, чтоб дед мой не печалился.

После вкусного обеда и чая с молоком и бабушкиной стряпни внучата по привычке около дедовой лежанки примостились, у самой печки, в тепле, и пристают с расспросами.

- Деда, а расскажи нам про войну!

- Не люблю я это! Говорил ведь. К чему вспоминать, а тем паче рассказывать! – строго сказал он. – Вот лучше вы мне расскажите, как в школе дела? Чему вас там учат-то?

- Ну что в школе? – не очень довольный проговорил Вова. – Одни уроки да домашка.... Скучно же!

- А нам на истории рассказывали про битву в Москве! – вдруг вспомнил Андрюша. – Деда, а ты сражался в Москве? А ты её защищал? Ну, расскажи, пожалуйста!!!

Мальчишки хитро перемигнулись. Они хорошо знали, что вывести дедушку на нелёгких для него рассказ о войне можно только одной хитростью: сморозить какую-нибудь чепуху про войну, придумать то, чего и быть не могло. Дед жутко не любил неправды и искренне считал, что исказить факты – настоящее преступление. Вот и на этот раз хитрость удалась. Он немного повздыхал, покачал головой.

- Да что же это? Какая ж такая битва в Москве? Может, за Москву? Вы, поди, головами провертели, вот и не поняли?!

Мальчишки подсели ближе к дедушке и приготовились внимательно слушать. Николай Васильевич снова вздохнул. Ну, нелегко же это: ворошить старые раны, вспоминать боевых товарищей, переживать всё заново. Да только кто ещё вот этим сорванцам правду-то расскажет, да так, как ни в одном учебнике никогда не напишут?! Хлопнул шершавыми ладонями по коленкам и снова тяжело вздохнул.

- Ну, слушайте, да только не перебивайте. А то память-то, ох... - он снова вздохнул. – Окончил я восьмилетку, мечтал дальше учиться, но пришлось пойти работать в колхоз. А тут аккурат война началась. Отца, помню, не сразу забрали, он ушёл на фронт уже в феврале 1942 года. Помню, мамка ночами часто плакала, а при нас никогда... А потом и меня в августе того же года призвали. Мне тогда думалось, что война ненадолго. Вот сейчас как пойдём фашиста бить, молодые были, глупые... Да и война-то для нас начиналась с лагерей. Я-то попал в Гороховецкий. Много нас там было: и постарше меня, и ровесники. Учили с винтовками обращаться, окопы рыть. Привыкали к нелёгкому солдатскому быту... Узнали, как без мамкиных харчей несладко, как ночью вошки спать не дают, тело так съедают, что спасения нет никакого. Кормили плохо, да что там говорить, порой вообще не ели. А тренировки были изнурительные, спали по несколько часов, а иногда и ночью были тревоги. Люди болели, многие умирали. Мы ждали фронта, как избавления от дикой военной подготовки. Все на фронт рвались, думали, там лучше будет... В октябре сорок второго попал-таки и я на передовую, участвовал в Синявинской операции. Ленинград освобождали, да неудачно, не удалось тогда прорвать блокаду. Видать, крепко немец засел, надолго... для меня-то это было ох как горько, я ведь всё думал, что война скоро закончится. В декабре мы ещё раз на прорыв блокады ходили, да и эта попытка не удалась... Видать, о доме-то только мечтать остаётся нашему брату солдату. Правда, больше нас под Ленинградом не держали, перекинули под Великий Новгород.

- Дедушка, а кем ты был на фронте? – спросил Вова.

- На фронте-то? Санитаром. Тогда ведь девчушки молоденькие с каждым взводом были, в бой ходили, из-под огня раненых на себе вытаскивали. Жаль было бедных, иной раз глядишь и дивуешься, как маленькая, худощавая тащит на себе здоровяка раненого. И ведь ни слова не скажет, никогда не пожалуется. Вот и я тоже выносил с боя тех, кому ещё жить должно, кого Бог от смерти почти уберёг.

- Дедушка, а расскажи историю про то, как ты спас 60 человек! Мне папа говорил! – попросил Андрюшка.

- В сорок четвёртом это было, в январе, кажется. Много наших тогда полегло в бою. Все госпитали были заняты, санитары не успевали выносить с поля раненых. Ну а спасти людей надо. Вот и получилось так, что за 5 дней обеспечил своевременную эвакуацию с поля боя раненых. А сколько их было, я ведь не считал. Думалось-то только о том, чтобы жили ребята, не умирали... В жизни ведь как бывает: делаешь что-то, не раздумывая, потому что знаешь наверняка – делаешь правильно. И не чувствуешь ни усталости, ни боли.

- Дедушка, а медаль у тебя за это?

- Пожалуй, что за это, и за другое, не один такой памятный случай, разное бывало.

- А расскажи ещё, ну, пожалуйста!

- Экие вы неугомонные! Чего рассказать-то. Ну вот, бывало, тещу я раненого. Немцы тогда только начали отступать. Дело зимой было, мы в белых маскхалатах, и немцы тоже. Вдруг смотрю: под мостом кто-то прячется. Весь в белом. Я ещё подумал: «Наш – не наш?» Винтовка одним патроном была заряжена. Выстрелил и попал. Начальству доложил: «Убил, но не знаю точно кого». «Как так? Веди, показывай!». Оказалось, немец, на моё счастье. Потом долго этот случай вспоминали, смеялись. А ведь тогда не до смеху было. Да, многое на своём веку пришлось повидать...

- Дедушка, а ты до Берлина дошёл?

- Дошёл бы, наверное, кабы не ранение. Это уж, почитай, в апреле сорок четвёртого было, на станции Карамышево. Контузило меня сильно, да как грех, и руку и ногу зацепило осколком.

Долго потом лечился в передвижном госпитале, а после выздоровления списали меня, направили писарем и почтальоном работать.

Дед горько усмехнулся и замолчал. Невесело ему о своём ранении вспоминать. Слава Богу, что жив остался, да только молодому-то парню – да калекой на всю жизнь...горько.

Всё это время бабушка сидела рядом, слушала и внимательно всматривалась в черты родного лица мужа, на котором каждая морщинка и складочка до боли дорога. Во взгляде её было столько трогательной нежности и любви, так горели глаза её, так выразительно было всё её морщинистое лицо, что по нему, как в книге, читались мысли и чувства. По её щеке медленно ползла жгучая слеза. Она украдкой смахнула её и по-молодецки резво вскочила на ноги.

- А чего это мы приуныли? Слава Богу, все живы-здоровы! Чай, проголодались, пока деда слушали?! Чайку-то хотите?

И вот под тёплым светом жёлтого абажура над круглым столом запыхтел чайник, пошёл тонкий парок из чашек. Зазвенели тонкие стенки от случайных ударов чайных ложек. Весело, уютно, вкусно...так и должно быть, чтобы потом спустя много лет вспоминать и говорить: «как у бабушки».

Звон стекла... Кажется, кто-то разбил чашку...

Я отчётливо слышу этот звук и вздрагиваю. Робко осматриваюсь по сторонам. В доме тихо, нет никого, кроме меня... Никого нет... А прадед? Прабабушка? Это был сон, или зеркало, старинное зеркало, показало мне прошлое?